

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ПОГРЕБАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ

С.А. Яценко

Аннотация. Рассмотрены малоизученные проблемы анализа погребального обряда на материале кочевых сарматов I в. до н.э. – III в. н.э. Существует несоответствие между значимостью элементов языческого погребального обряда в «живых» культурах иранских народов XIX–XX вв. и заключениями археологов на своем фрагментарном материале. Были проанализированы влияние ограниченных ресурсов конкретных общин, внешние признаки единичных могил на кургане, сосуществование нескольких синхронных форм могильных сооружений в одном некрополе, вероятные ритуалы для негативно воспринимаемых лиц, детские погребения со взрослыми, ритуальное повреждение мечей и разделение стрел из колчана на две части, функции игральные костей, деревянных ритуальных пеналов «бинатхцау» и некоторые другие. Типы специальных повреждений коротких мечей в могилах были разнообразны и соответствовали тем, которые известны в горных святилищах Южного Урала. Ритуальные пеналы, вероятно, первоначально содержали могущественный амулет – «бусину счастья», «способный» оживлять умершего (после чего она исчезала). Игральные кости из колена овцы помещались в могилы мужчин и мальчиков сериями по 28–29 штук, а 1–2 «удачливых» кости находят у людей разного пола и возраста.

Ключевые слова: погребальный обряд, сарматы, значимость выявленных ритуалов, обряды с оружием, погребения взрослых с детьми, назначение ритуальных предметов.

SOME PROBLEMS OF ARCHAEOLOGICAL STUDY OF THE ANCIENT BURIAL RITES

S.A. Yatsenko

Abstract. The poorly studied problems of the funeral rites' analysis are presented on the nomadic Sarmatians data of 1st c. BC – 3rd c. AE. There is a discrepancy between the importance of paganist elements in the "living" cultures of Iranian peoples of 19th–20th cc. and archaeologists' conclusions based on their fragmental materials. There are some problems analyzed: influence of limited resources on peculiar communities, external signs of single graves on a barrow surface, coexistence of several synchronous grave forms in one necropolis, probable rituals for negatively perceived persons, joint adult and children graves, ritual damage of swords and division of quiver' arrows into two parts, functions of dices, wooden "binatkhtsau" boxes and some others. Types of the short swords' special breakdown were different and correlated with the same ones known in mountain sanctuaries of the South Ural. Ritual boxes, probably, originally contained the powerful amulet "the Bead of Happiness", which was possible "to revive the dead" (than it was disappeared). The dices made from sheep knee to 28–29 pieces were founded in male and boys' graves; 1–2 "fortunate" dices were "used" by people of various sex and age.

Keywords: funeral rites, Sarmatians, significance of revealed rituals, rites with weapons, burials with adults and children, assigning of ritual artifacts.

Изучение погребальных и поминальных традиций «мертвых», особенно бесписьменных, культур археологическими методами имеет ряд существенных объективных ограничений, а полученные выводы периодически пересматриваются и нуждаются в проявлении здорового скепсиса. В самом деле, мы даже при современных сложных методиках и высокой технической оснащенности фиксируем лишь небольшую часть проявлений этих традиций и во многих случаях – явно *не самую значимую* для носителей соответствующих культур. Археологи научились разносторонне использовать многие выявляемые сегодня проявления погребальной обрядности. У многих даже возникает убежденность, что эта сфера культуры прошлого нам уже *хорошо известна* (и часто, в сущности, была не так уж сложна). Подобную ситуацию мне удобно проанализировать на материале культур кочевых сарматов, игравших важную роль в жизни позднеантичной Восточной Европы. Я ограничусь здесь материалами поздней стадии раннесарматской, а также среднесарматской и ранней стадии позднесарматской археологических культур Степной зоны.

На первый взгляд, для вывода, что данная тема основательно изучена и в основном исчерпана, есть серьезные основания. В самом деле, по крупным регионам расселения сарматов защищена серия добротных диссертаций, по многим наиболее значимым некрополям и их группам опубликованы монографии. Все это увенчано (особенно – по территории к востоку от Дона) статистической обработкой данных некрополей по весьма сложной программе, результаты которой подведены таким известным специалистом, как М. Г. Мошкова [Статистическая обработка, 2002; 2009]. Многие коллеги уверовали в завораживающее могущество особых компьютерных программ и обширных таблиц, заполненных цифрами. Увы, на деле в подобных исследованиях анализируется лишь очень ограниченный перечень элементов погребально-поминальных ритуалов. Это формы могильных ям, основные варианты размещения тела умершего (обычно в ненарушенных могилах), наиболее часто встречающиеся типы сопровождающих артефактов (посуда, оружие, костюмные аксессуары и др.), некоторые более редкие детали (наличие гробов, подстилок под трупом, веществ вроде мела, охры или серы и др.). Однако сегодня неплохо известны архаичные языческие погребальные традиции (или комплекс их заметных пережитков) у различных «этнографических» иранских и индоиранских этносов (кафиров, дардов, осетин, памирцев, таджиков, бактиаров, белуджей и др.). Уже простое знакомство с ними показывает, что как раз именно названные «принципиально важные» для сарматологов элементы обрядности в «живых» культурах часто находились *на периферии* круга подобных представлений и ритуалов... Нетрудно убедиться также, что «самые значимые» элементы погребально-поминальных ритуалов сарматов выявлены лишь по наиболее наглядным и сравнительно массовым их неорганическим остаткам или земляным сооружениям (часто нарушенным в разные времена и небрежно документированным при раскопках). Они прагматично используются археологами для решения текущих профессиональных задач (для датировки отдельных могил и некрополей, построения различных классификаций и для дополнительного обоснования уже популярных в данный момент в научном сообществе социологических и этнокультурных схем).

Увы, в этой ситуации многие важные «мелочи» по разным причинам пока не учитываются или почти не замечаются. На многие «простые и наивные» вопросы коллеги и не пытаются дать сколько-нибудь внятные, этнографически и религиоведчески обоснованные ответы.

Например, в среднесарматской и позднесарматской культурах мы довольно часто наблюдаем на недолго существовавшем небольшом курганном кладбище *по три разных синхронных формы могильных ям*. На наш взгляд, речь идет об одной популярной в иранском мире трехэлементных социальных структур, когда община состояла из трех небольших, кочевавших рядом групп (иногда происходивших из весьма разных родоплеменных подразделений) [Яценко, 2016а, с. 197]. Впрочем, в обществах прошлого не менее популярны были и различные бинарные модели...

Само наличие оригинальных или более сложных элементов ритуала в отношении некоторых умерших часто воспринимается как отражение *более высокого социального статуса*. На деле же оно могло объясняться и *негативным восприятием* таких людей при жизни или в момент смерти, попыткой защититься от них. Особых обрядовых действий могли удостоиваться умершие «неестественной» смертью или «не вовремя» (в т. ч. жившие «неестественно» долго), умершие от особых болезней, вредные колдуны, неудачливые предсказатели, люди с конфликтным характером, пленники (в т. ч. почетные), не полностью адаптированные в коллективе чужаки, воины-трусы, женщины с несложившейся или скандальной личной жизнью, приговоренные к смерти и т. д. Одним из простых проявлений «особости» умершего была, судя по этнологическим аналогиям, поза погребенного «ничком» [Балабанова, 2011, с. 24–25, 28–30].

На полноту и глубину нашей оценки погребальной обрядности конкретных регионов и культурных групп большое влияние оказывает степень обилия сохранившихся на сегодня неорганических остатков, то есть количество и качество *наличных ресурсов*, которыми эти группы располагали. Нетрудно заметить, что богатые неорганическими артефактами могильники кочевых сарматов встречены в очень немногих районах – там, где в I–III вв. концентрировались политические центры крупных племен (устье Дона, часть Волго-Донского междуречья, Центрального Предкавказья и Буджака), поблизости от античных городов, или же в важных для международной торговли зонах, богатых дорогим сырьем (Южное Приуралье / Янь / Яньци, снабжавшее южных соседей золотом и мехами, куда доходила, по «Хоуханьшу», «северная дорога» с окраин Китая [Yatsenko, 2017, figs. 6–7, 9–10, 13, 16]). На периферии же (верховья Дона, Средняя Волга, ряд районов Западного Казахстана, Калмыкия) могильники в среднем намного беднее доходящими до нас неорганическими артефактами (ведь в собственно кочевом хозяйстве, не связанном непосредственно с торговлей или получением части дани, преобладали плохо сохраняющиеся изделия из шерсти, кожи, войлока и дерева). Импортные вещи туда поступали во много меньшем объеме и чаще всего не столь дорогостоящие, а наличные далеко не всегда желали оставлять умершим. Так, в одном из самых северных сарматских некрополей у с. Вязово у женщин мы не встретим зеркал, серег и иных популярных

у сарматов аксессуаров: все сводится к самым простым и дешевым формам бус и фибул [Яценко, 2016б, с. 85].

Наш анализ методов работы сарматских грабителей синхронных могил позволяет думать, что во многих случаях они ориентировались на некие *внешние признаки конкретных могил на поверхности курганов* [Яценко, 2013, с. 34]. Увы, подобные метки – воткнутые в насыпь кургана могилы доски², одиночный камень и т. п. не имели шансов реально дойти до современных исследователей из-за деформации подавляющего большинства насыпей или низкого качества их фиксации при раскопках, из-за ценности одиночного камня в степи для более позднего населения и т. п. На практике археологи фиксируют (в редчайших случаях) следы таких надгробных конструкций лишь в могилах немногих мужчин – там, где они были по каким-то причинам вкопаны очень глубоко, упираясь в дно могилы (в насыпи их проследить не пытались). Так, в среднесарматском некрополе у с. Белолесье в степях Буджака в к. 3³ деревянный столб диаметром 20 см был вкопан в дно могилы за стенками гроба, в ногах умершего. Это единственное сарматское погребение в высоком кургане эпохи бронзы с 25 более ранними могилами было впущено неглубоко, на 70 см от нынешней поверхности [Субботин, Дзиговский, 1990б, с. 15]. В позднесарматском некрополе у с. Ново-Никольское в верховьях Дона (к. 17) деревянный столб, напротив, был вкопан в головы у умершего безоружного мужчины (сам столб, как и обкладка досками стенок могильной ямы, в этом некрополе с очень плохой сохранностью органики уцелели благодаря тому, что были сильно обожжены, т. к. в могиле был разведен большой костер). Глубина от дна ямы до поверхности кургана здесь была ровно 1 м [Медведев, 1990, с. 106]. К сожалению, по таким остаткам основания столбов невозможно судить, как они были декорированы в верхней части, крепилась ли на них дополнительная конструкция и т. п.

В ряде некрополей за кенотафы или начисто ограбленные могилы могут принимать *небольшие подкурганые святилища* в составе некрополя (что было весьма распространено у ранних кочевников). Так, в чисто сарматском некрополе Хаджидер II в Буджаке (все могилы которого были ограблены в древности) в середине раскопанного южного участка находился к. 10 [Субботин, Дзиговский, 1990а, с. 22–23; рис. 11, 1; 14, 4]. В центре его обнаружена прямоугольная яма 2,6×1,5 м глубиной 1 м. В ней не было никаких следов костей человека или животных, остатков сопровождающих умершего вещей или каких-либо следов перекопов. При этом устройство ямы было весьма необычным (необычной, впрочем, была и ее ориентация – *поперек осей всех достоверных погребальных ям этого некрополя*). Вдоль южной

---

² У иранских и индоиранских народов, сохранивших значительную часть своих древних верований до XX в., еще недавно особые почетные деревянные статуи для немногих заслуженных персонажей размещались довольно далеко от места захоронения (у края кладбища, у края селения и на непосредственно окружающих его хозяйственных угодьях) [см., например, Яценко, 2014, с. 43–44, 46], в то время как для большинства членов общины выступающие на земле поминальные конструкции (часто – богато декорированные) ставили именно над конкретной могилой.

³ Здесь и далее используются сокращения: «погребение» – п., «курган» – к.

стенки были сделаны две узкие ступеньки для спуска. Внутри, вдоль центральной оси стояли на торце две каменные плиты толщиной 20–30 см. Меньшая из них (1,1×0,8 м), тщательно обработанная, имела на стороне, обращенной к спускающимся в яму, серию округлых ямок (как природного, так и искусственного происхождения). Это вполне типичный жертвенный «чашечный камень» из многих, хорошо известных в мировой археологии. Считать эту подкурганную яму «полностью ограбленным погребением», как думали раскопщики, нет оснований.

В большинстве ситуаций трудно выяснить, почему один и тот же элемент обряда в одной и той же небольшой общине в очень короткий отрезок времени для каждого конкретного умершего мог реализовываться с заметным своеобразием. Например, в сарматологии давно популярно мнение, что для умерших воинов (многих ли?) в определенных случаях (каких?) ритуально «умерщвляли» помещаемое с ними клинковое оружие, чтобы, якобы, его было удобнее использовать усопшему. Увы, даже у ведущих специалистов по военному делу сарматов подобный ритуал пока не вызвал интереса [см., например: Хазанов, 1971, с. 15–27; Симоненко, 2015, с. 21–81]. Но нас выручает недавнее выявление 10 основных приемов сознательной ритуальной порчи votивного оружия, посвящаемого в локальные святилища бога войны (почитаемого в форме меча), основанное на обильно документированном материале (более 200 клинков) Южного Приуралья всех сарматских культур и их этапов [Савельев, 2016, с. 248–249]⁴.

Рассмотрим подобное обращение с захороненными мечами в двух больших некрополях кочевых сарматов бассейна Нижнего Дона – у хут. *Новый* на р. Сал [Ильюков, Власкин, 1992; Яценко, 2016в, рис. 2] и в *Перегрузном I* у большой излучины Дона [Балабанова и др., 2014; Яценко, 2016б, рис. 1, а]. Это удобно, т. к. выборка мечей в Новом велика.

В обоих случаях подобные действия характерны для самой ранней стадии сарматского некрополя (в Новом к ней относится большинство могил). В этом могильнике они выявлены лишь у трех мужчин 20–35 лет, похороненных в курганах наименьшей высоты (до 0,4 м). Два из этих курганов относятся к рубежу н.э. и содержат захоронения предполагаемых членов одной семьи, где они были погребены не первыми и не в центре (п. 2 к. 31; п. 4 к. 88), еще одна могила, п. 3 к. 121 – из числа двух старейших в некрополе раннесарматских погребений)⁵. Итак, на 30 уцелевших в других

---

⁴ Относительно позднеантичных аланов на сей счет есть прямое указание Аммиана Марцеллина, а у христианизированных алано-осетин его черты сохранились в образе одного из главных героев Нартского эпоса – Батраза.

⁵ В Новом известны всего 2 раннесарматских погребения – п. 3 к. 121 и п. 3 к. 80. Оба умерших «отца-основателя» этого обширного сарматского кладбища – мужчины-воины около 25 лет с двумя мечами, впущенные по одному в курганы эпохи бронзы. Эти могилы не грабили. Ср. размещение и статус 4 «отцов-основателей» в Усть-Каменке [Яценко, 2016а, с. 196]. В.М. Клепиков считает всех подобных раннесарматских мужчин с двумя мечами *вождями кланов* [Клепиков, 2016, с. 107–108]. Однако в Новом они достаточно молоды, не имеют никаких явных атрибутов высокого ранга, в сопровождающих их вещах нет ни грамма не только золота, но и серебра (бляшки-аппликации сделаны из бронзы и т. п.), и вообще у них нет ни одного парадно оформленного артефакта.

могилах (речь идет только о не ограбленных) ранней стадии коротких мечей приходится всего три экземпляра с посмертным повреждением (10 %). Во-первых, в первом и третьем случаях *клинок был сломан пополам*⁶, но помещен в «рабочем положении» у таза и сопровождался аналогично сломанным ножом. При этом в к. 121 так сломан именно короткий меч (второй, длинный, поврежден иначе: *обломана верхняя часть наверхия*). Другой вариант действий с мечом отмечен в к. 88. *Клинок меча согнут под углом в 45 градусов* (как и у сопровождающего ножа).

В Перегрузном I в начальный период его сарматского функционирования (финал раннесарматской культуры) клинковое оружие (короткие мечи и кинжалы) было найдено в 6 неограбленных могилах и одной ограбленной (мужчина из п. 2 к. 47) (при том, что многие мужчины здесь были его лишены). Среди них – воительница из п. 4 к. 32 и мальчик 2–3 лет из п. 13 к. 13. Здесь характер повреждения оружия (только мечей, в двух могилах, 33 %) иной, чем в Новом: у пожилого мужчины из п. 3 к. 41 у него *согнута рукоять*. Маленькому мальчику из к. 13 положили (как у взрослого воина – вдоль левого бедра) меч, у которого одновременно были *сломаны наверхие и заметная часть клинка*. Итак, для 5 человек мы наблюдаем 5 вариантов преднамеренной порчи клинкового оружия (!). Все названные способы, по данным Н.С. Савельева, характерны и для ритуальной порчи мечей в святилищах Южного Урала (5 из 10 вариантов, которые там встречены многократно, то есть были вполне «каноническими»). В какой ситуации мог применяться тот или иной из этих 10 способов, мы вряд ли когда-нибудь узнаем.

Популярное объяснение этого обряда для могильников тем, что «умерщвление» оружия было в среднем «удобнее» для умершего, опровергается самой редкостью такого обряда в некрополях (в южноуральских святилищах их, наоборот, явно применяли в большинстве случаев). Здесь наиболее вероятным мотивом таких действий кажутся особые (и разные) обстоятельства смерти (думаю, не слишком обычные) этих молодых мужчин, ситуация, когда умер единственный оставшийся мужчина в большой семье, хозяин погиб от собственного клинка и т. п.

Загадочным остается пока обряд *разделения колчанного набора стрел на 2 части* двумя разными способами. Первый из них – пространственное разделение, когда стрелы размещались *двумя пучками* – у головы-плеча и колена⁷.

В Новом такой обряд мы наблюдаем у пяти умерших только на ранней фазе, у мальчика 5–6 лет (п. 7 к. 106) и мужчин от 20 до 40 лет⁸, а также у молодой воительницы (п. 2 к. 75). Другую версию представляет ситуация, когда набор стрел делился поровну

---

⁶ В п. 2 к. 88 той же фазы у молодого мужчины с ребенком небольшой обломок острия меча найден у левого плеча. Однако разумнее видеть в нем не следы обряда, а одну из причин гибели этого человека.

⁷ Иногда пучок стрел в могиле ранних кочевников трактуют (по аналогии с тюркскими народами Саяно-Алтая) как средство перенесения души умершего в иной мир [Андросов, Саенко, 1992, с. 160], но я пока не готов поддержать это мнение. У индоевропейских этносов ритуальное осмысление связки/пучка однотипных предметов была весьма разноплановым.

⁸ П. 1 к. 82; п. 1 к. 88; п. 1 к. 95.

на те, древки которых были окрашены в голубой цвет (оттенок синего), и на имеющие красные древки. Считать такое сочетание цветов случайностью трудно, т. к. у народов, живших на восточной периферии древнего иранского мира или отчасти сохранивших его традиции, перевитые шнурки этих двух цветов связывали руки умерших и края их погребальных пелен, а для живых они соотносились с их жизненной силой и отпугивали демонов [Yatsenko, 2012, p. 178–179, fig. 28]. Колчаны с древками этих двух цветов (содержавшие в не ограбленных комплексах много большее, чем обычно, количество стрел – от 90 до 110) происходят из четырех могил мужчин от 18 до 50 лет⁹. На общем фоне выделяется ограбленный «военный лидер»-копейщик с доспехом из п. 7 к. 80, у которого грабители практически не тронули колчан с почти 100 стрелами, но лишь по одной из них были окрашены в соответствующие цвета.

Недоуменные вопросы вызывают многие остатки предметов вооружения в конкретных могильниках. Например, среднесарматский некрополь Царский у Танаиса был, видимо, целиком элитарным, а все его могилы были разграблены в древности [Яценко, 2016д]. В ряде погребений с предположительно мужским инвентарем (к. 48, 49 и, видимо, 53) здесь все наличное оружие сводится к черенку (основанию) единственной стрелы [Ильюков, 2004], что совершенно нетипично для синхронных некрополей региона. Что перед нами: действия грабителей, оставивших умершему символическую, миниатюрную деталь унесенного оружия, чтобы избежать его мести? Или никакого оружия и до ограбления в этих могилах не было, и мы имеем дело со своеобразными амулетами?

Немало проблем связано с особенностями *детских захоронений*, и современные методы физической антропологии, увы, далеко не всегда могут нам здесь помочь. Показателен в этом плане материал Нового. На раннем (и основном) этапе его функционирования (рубеж н. э.) здесь были похоронены 68 достоверных и предполагаемых взрослых мужчин и 48 женщин. Дети в Новом обычно хоронились со взрослыми¹⁰, и для объяснения подобных фактов у сарматов подчас выдвигаются весьма экзотические версии¹¹. Среди таких взрослых предсказуемо достаточно много молодых женщин, захороненных с младенцами от рождения до 1–2 лет (в т.ч. с 2–3 новорожденными, то есть умерших от неудачных родов) – 9¹². Однако почти таким же было количество погребенных с матерью детей более старшего возраста (от 3–4 до 7–10 лет) – 8¹³; их хоронили

---

⁹ П. 3 к. 59; п. 7 к. 80; п. 2 к. 84; п. 2 к. 102. Последнее погребение относится ко второй фазе некрополя.

¹⁰ К сожалению, Е.Ф. Батиевой пол детей не определяется [Батиева, 2011, табл. 22; Прил. 1, табл. 7].

¹¹ Например, Е.А. Коробкова пытается объяснить помещение ребенка в одну могилу со взрослым тем, что он еще не имел имени и поэтому не мог хорониться самостоятельно [Коробкова, 2011, с. 132]. Однако, помимо многих других возражений, это вряд ли могло относиться к детям 5–10 лет.

¹² П. 1 к. 18; п. 1 к. 26; п. 3 к. 31; п. 2 к. 58; п. 3 к. 61; п. 4 к. 74; к. 81; п. 1 к. 84; п. 1 к. 91; п. 2 к. 113. В их числе три воительницы, 44 % могил ограблено, однажды похоронена женщина с двумя детьми до 6 месяцев (к. 74).

¹³ П. 1 к. 17; п. 3 к. 61; п. 1 к. 75; п. 2 к. 99; п. 7 к. 106; п. 4 к. 113; п. 11 к. 130; п. 8 к. 114. Лишь в к. 99 и 130 1–2 детей хоронили в соседней могиле с матерью, и других сарматских могил в таких комплексах не было. Среди матерей – две воительницы, 24 % могил ограблено.

с матерью, вероятно, как общих жертв голодовок и однообразного питания [Балабанова и др., 2015, с. 181–184, 189–190], а также эпидемий и вражеских набегов. Еще в 6 случаях в кургане с захоронениями членов семьи один или два ребенка 5–10 лет помещались в отдельные могилы: такие погребения никогда не грабили¹⁴. Особенно интересна серия погребений *мужчин с детьми 3–10 лет*. В одной могиле их хоронили парой в трех случаях¹⁵. Однако надо присоединить к ним по 1–2 отдельных детских могил в тех 5 курганах, где хоронили только одного или нескольких мужчин¹⁶. В тех 5 случаях, когда мы можем по характерному инвентарю судить о поле, это были *девочки*. Показательно и *размещение* могил, где мужчина был в одной могиле с ребенком, на плане некрополя. Все они расположены на его северо-западном краю, у поймы р. Сал [Яценко 2016в, рис. 2, слева]¹⁷.

Во второй фазе комплектования Нового (сер. I – сер. II вв.) в отношении размещения в могилах детей мы видим несколько иную картину. В это время ребенка хоронили в одной могиле со взрослой женщиной всего 6 раз (в п. 5 к. 132 это была не мама, а бабушка 50 лет)¹⁸. Иногда младенец хоронился в соседней могиле с матерью, когда в кургане были всего 2 синхронных сарматских могилы. Оба таких кургана принадлежали влиятельным семьям, и основные могилы были ограблены (п. 1 к. 25; п. 1 к. 102). Это же относится и к погребенным аналогично рядом с матерью детям 4–6 и 8–10 лет (п. 2 к. 9; п. 2 к. 99). Еще в двух случаях детей 7–8 лет похоронили *в соседней могиле с отцами* (других синхронных сарматских могил в этих курганах не было); и мальчик в п. 1 к. 78 с мечом, и девочка в п. 3 к. 20 с 4 перстнями явно были неординарными лицами среди сверстников¹⁹. Может быть, наиболее интересный случай – единственный в Новом кургане, сооруженный специально для ребенка (к. 66) – девочки около 8 лет – с большим количеством украшений. Необычно и его размещение: он был насыпан в геометрическом центре некрополя второй фазы.

Помещение в могилу *1–2 игральных/гадательных коленных костей*, почти всегда – бараньих (астрала, альчика) в среднесарматское время известно для лиц обоих полов и разного возраста. Что же до *игральных наборов в 28–29*, иногда в 12 костей (Усть-Каменка, к. 27), то они сопровождали мальчиков и мужчин, что

---

¹⁴ П. 3 к. 13; п. 1 к. 58; п. 3 к. 106; п. 2 к. 128; п. 5 и 8 к. 130; п. 3 и 24 к. 132.

¹⁵ П. 2 к. 87; п. 2 к. 88; п. 4 к. 115. В двух случаях отец был чуть старше 20 лет; в к. 115 речь, видимо, идет о дедушке 45 лет.

¹⁶ П. 1 к. 59; п. 4 к. 64; п. 2 к. 82; п. 1 и 2 к. 100; п. 6 к. 116. Эти могилы грабители не трогали. В к. 82 мужчину сопровождал младенец.

¹⁷ Любопытной особенностью возрастной стратификации Нового со множеством его среднесарматских погребений двух фаз в почти 200 курганах является почти полное отсутствие могил детей и подростков в возрасте между 10 и 16 годами (за исключением п. 3 к. 31 ранней фазы и п. 2 к. 53 поздней фазы). Возможно, речь идет о низкой смертности этой группы, во многом не подверженной как «детским», так и «взрослым» рискам, но это объяснение не может быть единственным.

¹⁸ В двух случаях это младенцы (п. 3 к. 127, п. 5 к. 132), в остальных – дети 4–7 лет. Половина этих могил была ограблена.

¹⁹ Для соседних районов большой излучины Дона и бассейна Нижней Волги картина в данный период иная: инвентарь у детей крайне скуден или отсутствует [Балабанова и др., 2015, с. 236].

имеет и широкие этнографические параллели²⁰. В случаях с одиночным или парой астрагалов весьма вероятно, что с умершим клали его любимые (удачливые) «ударные» игральные кости для дальнейшего выяснения его судьбы [Яценко, 2016б, с. 74, прим. 8; 2016а, прим. 5]. Однако та же функция в ряде случаев, несомненно, связывалась и с крупными наборами. Например, на кубанском «Золотом кладбище» в к. 29 группы «9 братьев» у Усть-Лабинска 1902 г. во впускном (жертвенном?) захоронении ребенка с отрубленной правой рукой, сделанном, видимо, перед сооружением насыпи, с ним, кроме 4 сосудов, поместили с левой стороны уже знакомый нам набор из 29 астрагалов [Гущина, Засецкая, 1994, с. 93].

В таком крупном некрополе как Новый подавляющее большинство находок 1–2 астрагалов (7 из 11) сделано в ограбленных могилах²¹ и, похоже, воры всегда подобные предметы не трогали. Они встречены у женщин любого возраста²², между тем как у мужчин они использованы лишь в возрасте от 25 до 45 лет. Они выявлены как в очень бедных погребальными приношениями могилах, так и в относящихся к местной знати (женщина из к. 77 и мужчина из п. 3 к. 128). У мужчин 25–50 лет из ограбленных могил астрагал в двух случаях был бычий или конский (п. 2 к. 96 и п. 1 к. 101). У 7-летней девочки из п. 2 к. 99 один астрагал положили непосредственно к юной хозяйке, а другой, видимо, бросили в могилу, когда ее засыпали. К сожалению, никто пока не интересовался специфической сработанностью игровых астрагалов или отсутствием таковой...

Сложно обоснованно объяснить наличие в том же Новом во второй его фазе редких детских могил, где мальчику или девочке клали обычные атрибуты взрослых. Так, мальчику из п. 1 к. 60 положили меч (а также поставили сосудик с горящими углями), а девочку из п. 3 к. 20 сопровождали 4 перстня. Интересно, что по антропологическому определению Е.Ф. Батиевой, в обоих случаях детям было 7–8 лет. Вспомним, что в алано-осетинской традиции числа «7» и «8» устойчиво считались особо значимыми, и этот возраст мог считаться тогда одним из рубежей во взрослении. То же относится к мальчику с кинжалом из синхронного п. 2 к. 14 в Высочино V [Беспалый, Лукьяшко, 2008, с. 79].

В аристократических могилах в районе устья Дона ранней фазы позднесарматской культуры изредка сохраняются особые *деревянные культовые пеналы*

---

²⁰ Своёобразно преломлена эта традиция использования игрового набора из более чем 20 астрагалов в позднесарматских погребениях знатных женщин района устья Дона. Так, у женщины 30–35 лет в к. 33 Валового I особое ожерелье, видимо, образовывали 26 бус в форме овечьего астрагала из гагата, коралла и перламутра [Безуглов и др., 2009, с. 66]. У воительницы 25–30 лет из к. 18 Высочино V сходный набор бусин-астрагалов нашивался на каждый рукав платья. На правом он сохранился не полностью, а на левом включал 23 астрагала из гагата, коралла, перламутра и янтаря; на некоторых из них была «Z»-образная тамга хозяйки [Беспалый, Лукьяшко, 2008, с. 86–87; табл. LXXXII, 10–13].

²¹ Одиночные астрагалы обнаружены у мужчин (3), у женщин (3) и у девочки (1), причем большинство их, кроме пожилого мужчины из п. 1 к. 101 и девочки из п. 2 к. 99, относится к ранней фазе некрополя.

²² От девочек 2–3 и 6–7 лет, похороненных в соседних могилах с матерью или отцом в к. 99 и 100, до женщин от 16–18 до 60 лет, включая воительницу из п. 2 к. 92.

с *выдвигающейся крышкой*, прямые аналогии которым есть в некрополях кавказских средневековых аланов (Мощевая Балка VIII–IX в., Дзивгис XIV в.) и у этнографических осетин (хотя поздние версии, в отличие от не декорированных сарматских, часто украшались богатой резьбой с солярными или растительными мотивами). Позднесарматские образцы происходят из двух женских могил (Высочино VII, п. 1 к. 17; Новоалександровка I, п. 1 к. 20 [Беспалый, 1990, с. 213, 216]) и из одной – мужчины более 40 лет (Валовый I, к. 25 [Безуглов, Глебов, Парусимов, 2009, с. 59, рис. 26, 31; 34, 8]). В первом случае у дамы 30 лет пенал лежал среди множества мелких предметов в особой корзиночке у левого плеча (она была сплетена из тонких полосок кожи и виноградной лозы); во втором случае пенал также размещался у левого плеча в сумочке (вероятно – тканой); в третьем он находился в ногах вместе с различной крупной посудой.

Речь идет о важном атрибуте – *пенале «бинатхцау»* (осетин.), посвященном домовому (с тем же именем), который предназначался для хранения такого могущественного амулета, как «бусина счастья» (цикурайты фардыг), якобы падающая с неба и вначале находимая змеей [см., например: Кузнецов, 1993, с. 159–162]. Такие бусины еще недавно почитались как в отдельных семьях (в домах, где они имелись, для них под Новый Год оба супруга устраивали специальное моление с жертвоприношениями), так и в значимых межобщинных святилищах. И там, и там по ним устраивали гадания (если бусина начинала произвольно двигаться или слегка светиться, это означало несчастья в следующем году). Однако мне кажется, что причиной помещения такой бусины умершему в традиционном пенале было другое, наиболее знаменитое ее свойство, прославленное в осетинском фольклоре: как известно, «бусина счастья» считалась способной воскресить мертвого, особенно умершего до «отпущенного» ему срока; правда, сразу после этого волшебная бусина столь же чудесно исчезала навсегда [см., например: Сокаева, 2015]. Соответственно, искать бусину в таком пенале уже бесполезно... Вместо нее туда иногда помещали другие предметы (так, в Валовом в пенале найдены оселок и деревянная ложечка), или же пеналы оставались пустыми.

Безусловно, важной для древних была магия чисел. Так, у устья Дона в среднесарматское время у супругов в п. 2 к. 53 в Новоалександровке царского ранга было 28 амфор [Беспалый, Парусимов, 1986, ч. I, с. 94], у мужчины в знаменитом царском кургане «Дачи» [Беспалый, Парусимов, 1986, ч. II, с. 194] в составе тризны насыпи кургана было 12 амфор; в самом значимом к. 41 элитарного могильника Царский [Ильюков, 2004] было 10 амфор²³. Как видим, в подобных важнейших комплексах речь идет о *четных числах* этой античной посуды (увы, достоверное число амфор в большой тризне подсчитывается далеко не всеми раскопщиками).

---

²³ У менее значимых персон в Царском в тризне было по 2 амфоры у женщин (к. 38, 46) и по одной у мужчин (к. 48, 49).

Панцирь степной черепахи, вероятно, воспринимался как сосуд особого назначения, и он встречается очень редко. Но при этом в одних группах той же среднесарматской культуры его помещали лишь с социально выделенными мужчинами-воинами (Усть-Каменка, к. 32 и 38)²⁴ [Костенко, 1993, с. 29, 39], то в других – только с женщинами 20–30 лет (Новый, п. 1 к. 29 и п. 1 к. 111).

Далеко не всегда ясны мотивы помещения в могилы знати тех или иных предполагаемых престижных атрибутов. Например, в ряде случаев использовались ткани, окрашенные драгоценным пурпуром; труднее понять мотивы использования сарматками подчас целых коллекций раковин-пурпурниц *Murex*, как это было в п. 2 к. 53 в Новоалександровке (где из-за ограбления их первоначально могло быть не 4, а больше) [Беспалый, Парусимов, 1986, ч. I, с. 97].

Почему тела некоторых умерших из разных социальных групп спустя некоторое время после похорон смещались или «разбирались» посещавшими могилу сородичами? [см., например: Яценко, 2016г, с. 151–152]. По какой причине для одних влиятельных покойников следы тризны в насыпи кургана концентрировались в жертвенных ямах с тризной, а у других они разбрасывались? Чем определялся набор костюмных аксессуаров в том или ином некрополе? Для чего отдельным мужчинам и женщинам клали в могилу конскую упряжь? Почему одним значимым умершим помещали в могилу один бронзовый котел (подчас разбитый), а другим – пару котлов разных размеров? Зачем в некоторые погребения девочек и женщин клали антропоморфные фигурки из мела? Никто не знает, для чего в могилы социально значимых женщин иногда помещали земледельческий серп. Вряд ли знатные дамы собственноручно срезали им тростник у степных речек; столь же маловероятно, что он использовался как оружие... Что означает популярное в женских могилах сер. II – сер. III вв. сочетание пружинных ножниц и зеркала: магический набор, как думает М.В. Кривошеев [Кривошеев, 2016, с. 219], или просто пара популярных тогда инструментов для ухода за собой? Неясно и назначение в женских могилах 1–2 крупных бронзовых колокольцев. Остается без объяснений традиция кочевой знати района устья Дона I–III вв. помещать «запасную» парадную, иногда расшитую золотом женскую одежду, в опрокинутую бронзовую чашу (Хохлач, Садовый [Засецкая, 2011, с. 12; Капошина, 1962, с. 146]) или под опрокинутый крупный стеклянный стакан (Новоалександровка I, п. 1 к. 20) [Беспалый, 1990, с. 217]: ведь это не самые удобные емкости для дорогого платья. Список подобных неясностей можно без труда увеличивать. И пока это так, говорить о хорошей изученности погребально-поминальных практик сарматов явно преждевременно.

---

²⁴ В этих случаях 1–2 таких сосудика помещались во входном колодце в специальной линзе белого песка. В.И. Костенко уверенно поместил информацию о панцирях черепах в раздел «Заупокойная пища» на фоне заурядных типичных приношений покойным [Костенко, 1993, с. 101–102], хотя и говорит об их специальных «ритуальных захоронениях» в необычном контексте.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Андросов В.Н., Саенко В.Н. О семантике стрел в скифском погребальном обряде // *Старожитності степового Причорномор'я і Криму*. Т. III. Запорожье, 1992. С. 157–162.
- Балабанова М.А. Поза погребенных как объект археолого-этнографических исследований (по погребальным комплексам позднесарматского времени) // *Погребальный обряд ранних кочевников Евразии*. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. С. 23–38.
- Балабанова М.А., Перерва Е.В., Клепиков В.М., Кривошеев М.В., Демкин В.А., Ельцов М.В., Скрипкин А.С., Удальцов С.Н., Яворская Л.В., Дьяченко А.Н. Курганный могильник Перегрузное I: результаты междисциплинарных исследований. Волгоград: Изд. ВФ РАНХиГС, 2014. 360 с.
- Балабанова М.А., Клепиков В.М., Коробкова Е.А., Кривошеев М.В., Перерва Е.В., Скрипкин А.С. Возрастная структура сарматского населения Нижнего Поволжья: погребальная обрядность и антропология. Волгоград: ВГУ, 2015. 272 с.
- Батиева Е.Ф. Население Нижнего Дона в IX в. до н. э. – IV в. н. э. (палеоантропологическое исследование). Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. 159 с.
- Безуглов С.И., Глебов В.П., Парусимов И.Н. Позднесарматские погребения в устье Дона (курганный могильник Валовый I). Ростов-на-Дону, 2009.
- Беспалый Е.И. Погребения позднесарматского времени у г. Азова // *Советская археология (далее – СА)*. 1990. № 1. С. 213–223.
- Беспалый Е.И., Парусимов И.Н. Отчет о работах археологического отряда Азовского краеведческого музея в 1986 году // *Архив Института археологии РАН (далее – ИА РАН)*. Р-1. Ч. I-II. №№ 11388, 11387.
- Беспалый Е.И., Лукьяшко С.И. Древнее население междуречья Дона и Кагальника. Т. 1. Курганный могильник у с. Высочино. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2008. 224 с.
- Гущина И.И., Засецкая И.П. «Золотое кладбище» римской эпохи в Прикубанье. СПб.: Фарн, 1994. 172 с.
- Засецкая И.П. Сокровища кургана Хохлач. Новочеркасский клад. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2011. 328 с.
- Ильюков Л.С. Сарматские курганы окрестностей Танаиса (могильник «Царский») // *Вестник Танаиса*. 2004. Вып. 1. С. 198–214.
- Ильюков Л.С., Власкин М.В. Сарматы междуречья Сала и Маныча. Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ, 1992. 289 с.
- Капошина С.И. Отчет о работах Кобяковской экспедиции в 1962 году // *Архив ИА РАН*. Р-1. № 2497.
- Клепиков В.М. Раннесарматские мужские погребения с двумя мечами (к вопросу о социальном статусе) // *Константин Федорович Смирнов и современные проблемы сарматской археологии. Материалы IX Международной научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории»*. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2016. С. 104–108.
- Коробкова Е.А. Половозрастные особенности погребального обряда поздних сарматов (по материалам могильников Есауловского Аксая) // *Погребальный обряд ранних кочевников Евразии*. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. С. 125–132.

Костенко В.И. Сарматы в Нижнем Поднепровье (по материалам Усть-Каменского могильника). Днепропетровск: Видавництво ДДУ, 1993. 152 с.

Кривошеев М.В. Ножницы в погребальном обряде сарматов // Константин Федорович Смирнов и современные проблемы сарматской археологии. Материалы IX Международной научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2016. С. 122–130.

Кузнецов В.А. Алано-осетинские этюды. Владикавказ: Северо-Осетинский ин-т гуманитарных исследований, 1993. 184 с.

Медведев А.П. Сарматы и Лесостепь. Воронеж: ВГУ, 1990. 220 с.

Савельев Н.С. Мечи и кинжалы в культовой практике кочевников Южного Приуралья скифо-сарматского времени (пространственный анализ «случайных находок») // Константин Федорович Смирнов и современные проблемы сарматской археологии. Материалы IX Международной научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2016. С. 241–252.

Симоненко А.В. Сарматские всадники Северного Причерноморья. 2-е изд. Киев: Олег Філюк, 2015. 466 с.

Сокаева Д.В. Сакральные объекты современной несказочной прозы осетин: чудесная бусина // Древние культы, обряды, ритуалы: памятники и практики. Зимовники: Зимовниковский краеведческий музей, 2015. С. 299–313.

Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. III. Среднесарматская культура. М.: Восточная литература, 2002. 141 с.

Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. IV. Позднесарматская культура. М.: Восточная литература, 2009. 176 с.

Субботин Л.В., Дзиговский А.Н. Сарматские древности Днестро-Дунайского междуречья. Вып. I. Курганные могильники Алкалия и Хаджидер II. Киев: ИА АН УССР, 1990а. 40 с.

Субботин Л.В., Дзиговский А.Н. Сарматские древности Днестро-Дунайского междуречья. Вып. II. Курганные могильники Дивизийский и Белолесский. Киев: ИА АН УССР, 1990б. 40 с.

Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. М.: Наука, 1971. 172 с.

Яценко С.А. О сарматских ограблениях синхронных курганов // Теория и практика археологических исследований. 2013. № 2. С. 25–41.

Яценко С.А. Региональные особенности сюжетов и бытовых реалий в монументальных поминально-погребальных памятниках Малой Скифии I–III вв. н. э. // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. Севастополь-Тюмень, 2014. Вып. 6. С. 40–63. URL: http://maias.ru/data/documents/MAIASK6_2014.pdf.

Яценко С.А. Сарматский могильник 2-й половины I – начала II вв. н. э. у с. Усть-Каменка: особенности планиграфии // Старожитності степового Причорномор'я і Криму. Запорожье, 2016а. Т. XIX. С. 196–212.

Яценко С.А. К изучению планиграфии курганных могильников позднесарматского времени // *Stratum plus*. 2016б. № 4. С. 69–90.

Яценко С.А. К изучению планиграфии крупных сарматских некрополей // Константин Федорович Смирнов и современные проблемы сарматской археологии. Материалы

IX Международной научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2016в. С. 311–319.

Яценко С.А. Характер древних ограблений курганов двух групп сарматской элиты I–II вв. н. э. // *Древние некрополи и поселения: постпогребальные ритуалы, символические захоронения и ограбления*. СПб.: ИИМК РАН, 2016. С. 147–156.

Яценко С.А. Сарматская элита у границ Боспора I–III вв. н. э. // *Элита Боспора и боспорская элитарная культура. Материалы круглого стола*. СПб.: ИИМК РАН, 2016д (В печати).

Yatsenko S.A. Colour Combinations in the Costume of Three Pre-Islamic Dynasties of Iran against the Background of the Synchronous Iranian World // *7 ICAANE. Proceedings of the 7th International Congress on the Archaeology of the Ancient Near East, 12–16 April 2010*. Wiesbaden: Harrassowitz, 2012. P. 315–333.

Yatsenko S.A. Trade and Gifts in Nomadic Societies of the 1st c. BCE – 3rd c. CE // *Acta Eurasiatica*. Warszawa, 2017. Vol. 3 (In print).

REFERENCES

- Androsov V.N., Saenko V.N. O semantike strel v skifskom pogrebal'nom obriade [On the Semantics of Arrows in Scythian Burial Rituals], in: *Starozhnosti stepovogo Prichornomoria i Krymu* Vol. III [Antiquities of Pontic steppe and the Crimea]. Zaporozhie: Vidavniststvo ZNU, 1992. P. 157–162 (in Russian).
- Balabanova M.A. Poza pogrebennykh kak ob'ekt arkheologo-etnograficheskikh issledovaniy (po pograbl'nym kompleksam pozdnesarmatskogo vremeni) [Buried Poses as the Object of Archaeological and Ethnological Studies (on the Grave Complexes of the Late Sarmatian Culture)], in: *Pograbal'nyi obriad rannikh kochevnikov Evrazii* [The funeral rite of the early nomads of Eurasia]. Rostov-on-Don: SSC RAS Publ., 2011. P. 23–38 (in Russian).
- Balabanova M.A., Pererva E.V., Klepikov V.M., Krivosheev M.V., Demkin V.A., Eltsov M.V., Skripkin A.S., Udaltsov S.N., Yavorskaya L.V., Dyachenko A.N. *Kurgannyi mogil'nik Peregruznoe I: rezul'taty mezhdistsiplinarnykh issledovaniy* [Peregruznoe I Barrow Cemetery: the Results of Interdisciplinary Studies]. Volgograd: VF RANKhIGS Publ., 2014. 360 p. (in Russian).
- Balabanova M.A., Klepikov V.M., Korobkova E.A., Krivosheev M.V., Pererva E.V., Skripkin A.S. *Vozrastnaia struktura sarmatskogo naseleniia Nizhnego Povolzhia: pograbal'naia obriadnost' i antropologiia* [Age Structure of Sarmatian Population of the Lower Volga Region: Burial Rites and Anthropology]. Volgograd: VGU Publ., 2015. 272 p. (in Russian).
- Batieva E.F. *Naselenie Nizhnego Dona v IX v. do n.e. – IV v. n.e. (paleoantropologicheskoe issledovanie)* [Lower Don Basin Population in the 9th c. BC – the 4th c. AD (the Paleoanthropological Study)]. Rostov-on-Don: SSC RAS Publ., 2011. 159 p. (in Russian).
- Bezuglov S.I., Glebov V.P., Parusimov I.N. *Pozdnesarmatskiye pogrebeniya v ust'ye Dona (kurgannyi mogil'nik Valovyy I)*. [Late Sarmatian burial in the mouth of the Don (burial mound Gross I)]. Rostov-on-Don, 2009 (in Russian).
- Bespalyi E.I. Pogrebeniia pozdnesarmatskogo vremeni u g. Azova [Burials of the Late Sarmatian Time near Azov Town], in: *Sovetskaia arkheologiia* [Soviet archaeology]. 1990. No 1. P. 213–223. (in Russian).

Bespalyi E.I., Parusimov I.N. Otchet o rabotakh arkheologicheskogo otriada Azovskogo kraevedcheskogo muzeia v 1986 godu [Report on the Excavations of archeological group of Azov Regional Musueum in 1986], in: *Archive of the Institute of Archaeology, RAS* [Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences]. R-1. Parts I–II. Ns. 11388, 11387 (in Russian).

Bespalyi E.I., Lukyashko S.I. *Drevnee naselenie mezhdurechia Dona I Kagal'nika. T. 1. Kurgannyi mogil'nik u s. Vysochino* [Ancient Population of Don and Kagalnik Interfluve. Vol. 1. Barrow Necropolis near Vysochino Village]. Rostov-on-Don: SSC RAS Publ., 2008. 224 p. (in Russian).

Gushchina I.I., Zaset'skaya I.P. "Zolotoe kladbishche" rimskoi epokhi v Prikubanie ["Golden Cemetery" of the Roman Epoch in Kuban' Region]. St. Peterburg: Farn Publ., 1994. 172 p. (in Russian).

Zaset'skaya I.P. *Sokrovishcha kurgana Khokhlach. Novocherkasskii klad* [Treasures from the Khokhlach Barrow. Novocherkassk Hoard]. St. Petersburg: State Hermitage Publ., 2011. 328 p. (in Russian).

Ilyukov L.S. Sarmatskie kurgany okrestnostei Tanaisa (mogil'nik Tsarskii) [Sarmatian Barrows in Tanais' Surroundings (Tsarskii Cemetery)], in: *Vestnik Tanaisa* [Bulletin of Tanais]. Vol. 1. Rostov-on-Don, 2004. P. 198–214 (in Russian).

Ilyukov L.S., Vlaskin V.V. *Sarmaty mezhdurechya Sala i Manycha* [Sarmatians of the Sal and Manych Interfluve]. Rostov-on-Don: Izdatel'stvo RGU, 1992. 289 p. (in Russian).

Kaposhina S.I. Otchet o rabotakh Kobiakovskoi ekspeditsii v 1962 godu [Report on the Excavations of Kobyakovo Expedition in 1962], in: *Archive of the Institute of Archaeology, RAS* [Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences]. R-1. No. 2497 (in Russian).

Klepikov V.M. Rannesarmatskie muzhskie pogrebeniia s dvumia mechami (k voprosu o sotsial'nom statuse) [The Early Sarmatian Male Burials with Two Swords (on the Problem of Social Status)], in: *Konstantin Fedorovich Smirnov i problemy sarmatskoi arkheologii. Materialy IX mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "Problemy sarmatskoi arkheologii i istorii* [Konstantin Smirnov and modern problems of Sarmatian archeology. Proceedings of the IX International Conference "Problems of Sarmatian archeology and history"]. Orenburg: Izdatel'stvo OGPU, 2016. P. 104–108 (in Russian).

Korobkova E.A. Polo-vozzrastnye osobennosti pograbal'nogo obriada pozdnykh sarmatov (po materialam mogil'nikov Esaulovskogo Aksaia) [Age and Sex Peculiarities of the Burial Rites of the "Late Sarmatians" (on the necropolises along the Esaulovskii Aksai River)], in: *Pograbal'nyi obriad rannikh kochevnikov Evrazii* [The funeral rite of the early nomads of Eurasia]. Rostov-on-Don: SSC RAS Publ., 2011. P. 125–132 (in Russian).

Kostenko V.I. *Sarmaty v Nizhnem Podneprovie (po materialam Ust'-Kamenskogo mogil'nika)* [Sarmatians of the Lower Dnepr Basin (on Ust'-Kamenka Necropolis)]. Dnepropetrovsk: Vidavnitstvo DDU, 1993. 152 p. (in Russian).

Kuznetsov V.A. *Alano-Osetinskie etyudy* [Alanian-Ossetian Etudes]. Vladikavkaz: Severo-Osetinskii institute gumanitarnykh issledovani, 1993. 184 p. (in Russian).

Krivosheev M.V. Nozhnitsy v pograbal'nom obriade sarmatov [Scissors in the Burial Rites of Sarmatians], in: *Konstantin Fedorovich Smirnov i problemy sarmatskoi arkheologii. Materialy IX mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "Problemy sarmatskoi arkheologii i*

istorii” [Konstantin Smirnov and modern problems of Sarmatian archeology. Proceedings of the IX International Conference “Problems of Sarmatian archeology and history”]. Orenburg: Izdatel'stvo OGPU, 2016. P. 122–130 (in Russian).

Medvedev A.P. *Sarmaty i Lesostep'* [Sarmatians and the Forest-Steppe Zone]. Voronezh: Izdatel'stvo VGU, 1990. 220 p. (in Russian).

Saveliev N.S. Mechi i kinzhaly v kul'tovoi praktike kochevnikov luzhnogo Priuralia skifo-sarmatskogo vremeni (prostranstvennyi analiz “sluchainykh nakhodok”) [Swords and Daggers in the Cultic Practice of the South Ural Region Nomads of Scythian and Sarmatian Times (Spatial Analysis of the “Random Finds”), in: *Konstantin Fedorovich Smirnov i problemy sarmatskoi arkheologii. Materialy IX mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii “Problemy sarmatskoi arkheologii i istorii”* [Konstantin Smirnov and modern problems of Sarmatian archeology. Proceedings of the IX International Conference “Problems of Sarmatian archeology and history”]. Orenburg: Izdatel'stvo OGPU, 2016. P. 241–252 (in Russian).

Simonenko A.V. *Sarmatskie vsadniki Severnogo Prichernomoria* [The Sarmatian Horsemen of North Pontic Region]. 2nd ed. Kiev: Oleg Filuk Publ., 2015. 466 p. (in Russian).

Sokaeva D.V. Sakral'nye ob'ekty sovremennoi nesказochnoi prozy osetin: chudesnaia busina [Sacred Objects of the Modern Non-Faire Tale Folklore of Ossetians], in: *Drevnie kul'ty, obiady, ritualy: pamiatniki i praktiki* [The ancient cults, rites, rituals: sites and practices]. Zimovniki: Zimovnikovskii kraevedcheskii muzei, 2015. P. 299–313 (in Russian).

Statisticheskaiia obrabotka pogrebal'nykh pamiatnikov Aziatskoi Sarmatii. T. III. Srednesarmatskaia kul'tura [Statistical Processing of the Burial Monuments of Asiatic Sarmatia. Vol. III. The Middle Sarmatian Culture]. Moscow: Vostochnaia literatura, 2002. 141 p. (in Russian).

Statisticheskaiia obrabotka pogrebal'nykh pamiatnikov Aziatskoi Sarmatii. T. IV. Pozdnesarmatskaia kul'tura [Statistical Processing of the Burial Monuments of Asiatic Sarmatia. Vol. IV. The Late Sarmatian Culture]. Moscow: Vostochnaia literatura Publ., 2009. 176 p. (in Russian).

Subbotin L.V., Dzigovsky A.N. *Sarmatskie drevnosti Dnestro-Dunaiskogo mezhdurechia. Vyp. 1. Kurgannye mogil'niki Alkalia I Khadjider II* [Sarmatian Antiquites of the Dnestr-Danubius Intefluve. Vol. I. The Barrow Necropolises Alkalia and Khadjider II]. Kiev: Institute of Archaeology, 1990a. 40 p. (in Russian).

Subbotin L.V., Dzigovsky A.N. *Sarmatskie drevnosti Dnestro-Dunaiskogo mezhdurechia. Vyp. II. Kurgannye mogil'niki Diviziiskii i Beloleskii* [Sarmatian Antiquites of the Dnestr-Danubius Intefluve. Vol. II. The Barrow Necropolises Diviziia and Belolesie]. Kiev: Institute of Archaeology, 1990b. 40 p. (in Russian).

Khazanov A.M. *Ocherki voennogo dela sarmatov* [Essays on the Military Affairs of Sarmatians]. Moscow: Nauka Publ., 1971. 172 p. (in Russian).

Yatsenko S.A. O sarmatskikh ogrableniakh sinhronnykh kyrganov [Synchronous Robberies in Sarmatian Barrows], in: *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy* [The theory and practice of archaeological research]. 2013. No 2. Barnaul. P. 25–41 (in Russian).

Yatsenko S.A. Regional'nye osobennosti siuzhetov i butovykh realii v monumental'nykh pominal'no-pogrebal'nykh pamiatnikakh Maloi Skifii I–III vv. n.e. [Regional Peculiarities of the Subjects and Everyday Life Realities in the Burial and Funeral Monuments of Scythia Minor in the 1st–3rd cc. CE], in: *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma* [Materials on the history and archeology of ancient and medieval Crimea]. Vol. 6. Sevastopol, Tyumen, 2014. P. 40–63. URL: http://maias.ru/data/documents/MAIASK6_2014.pdf (in Russian).

Yatsenko S.A. Sarmatskii mogil'nik 2-oi poloviny I – nachala II vv. n.e. u s. Ust'-Kamenka: osobennosti planigrafii [Sarmatian Necropolis of the second half of the 1st – the early 2nd cc. CE near Ust'-Kamenka Village: the Specificity of Planigraphy], in: *Starozhntnosti stepovogo Prichornomoria i Krymu* [Antiquities of Pontic steppe and the Crimea]. Vol. XIX. Zaporozhie: Vidavnistvo ZNU, 2016a. P. 196–212 (in Russian).

Yatsenko S.A. K izucheniiu planigrafii kurgannykh mogil'nikov pozdnesarmatskogo vremeni [On Planigraphic Studies of the Late Sarmatian Time Barrow Necropolises], in: *Stratum plus*. 2016b. No 4. P. 69–90 (in Russian).

Yatsenko S.A. K izucheniiu planigrafii krupnykh sarmatskikh nekropolei [On Planigraphy Studies of Big Sarmatian Necropolises], in: *Konstantin Fedorovich Smirnov i problemy sarmatskoi arkheologii. Materialy IX mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "Problemy sarmatskoi arkheologii i istorii"* [Konstantin Smirnov and modern problems of Sarmatian archeology. Proceedings of the IX International Conference "Problems of Sarmatian archeology and history"]. Orenburg: Izdatel'stvo OGPU, 2016c. P. 311–319 (in Russian).

Yatsenko S.A. Kharakter drevnikh ograblenii kurganov dvukh grupp sarmatskoi elity I–II vv. n.e. [The Character of Ancient Robberies of Barrows Belonging to Two Groups of the Sarmatian Elite of the 1st–2nd cc. CE], in: *Drevnie nekropoli i poseleniia: postpogrebal'nye ritualy, simvolicheskie zakhoroneniia i ogrableniia* [Ancient cemeteries and settlements: postfuneral rituals, symbolic burial and robbery]. St. Petersburg: Institute of the History of Material Culture, RAS, 2016d. P. 147–156. (in Russian).

Yatsenko S.A. Sarmatskaia elita u granits Bospora I–III vv. n.e. [Sarmatian Elite on Bosphorus Boredrs in the 1st–3rd cc. CE], in: *Elita Bospora i bosporskaia elitarnaia kul'tura. Materlialy kruglogo stola* [Elite of Bosphorus and bosphorian elite culture. Materials of the round table]. St. Petersburg: Institute of the History of Material Culture, RAS, 2016e (in print) (in Russian).

Yatsenko S.A. Colour Combinations in the Costume of Three Pre-Islamic Dynasties of Iran against the Background of the Synchronous Iranian World, in: *7 ICAANE. Proceedings of the 7th International Congress on the Archaeology of the Ancient Near East, 12–16 April 2010*. Wiesbaden: Harrassowitz, 2012. P. 315–333.

Yatsenko S.A. Trade and Gifts in Nomadic Societies of the 1st c. BCE – 3rd c. CE, in: *Acta Eurasiatica*. Warszawa, 2017. Vol. 3 (In print).